

Men zal aenmerken dat het werk van den heere Auguste Voisin, Bibliothecaris te Gent, my voor de beschryving van den slag der Gulden Sporen van groot nut is geweest, die schryver heeft my met eene goedheid, waer voor ik hem myne dankbaerheid betuig de kaert van den slag bezorgd...

De Schryver

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Найдите в интернете информацию о Роберте III Бегюнском (Robrecht van Beshune) и о Битве золотых шпор. Какую историческую неточность допустил Консянс в романе «Лев Фландрии»?
2. Что символизирует образ Фламандского льва? Где можно увидеть его изображение?
3. Каков язык Консянса, какие отличия от современного нидерландского языка вы заметили?
4. Каким стилем написано это Введение? В каких элементах это проявляется?
5. Почему официальный праздник фламандской общины Бельгии отмечается 11 июля?

*И. М. Михайлова,
А. А. Пурин*

ГЛАВА 15

ГИДО ГЕЗЕЛЛЕ GUIDO GEZELLE (1830–1899)

Гидо Гезелле — первый фламандский поэт. Первый в том смысле, что до него лирической поэзии на фламандском языке фактически не существовало. И первый в том смысле, что его лирика — самое значительное явление во фламандской поэзии, оказавшее неоценимое влияние на становление нидерландскоязычной поэзии в целом. В XX веке Фландрия даст миру и других блестящих поэтов — меланхоличного философа-символиста Карела ван де Вустейне (1878–1929), рано умершего виртуоза свободного стиха Паула ван Остайена (1896–1928), мудрого и дерзкого Хуго Клауса (1929–2008), — но Гезелле все равно остается первым, от него идет отсчет, он — эталон.

В извечном фламандском «языковом вопросе» поэт и католический священник Гидо Гезелле выбрал для себя наиболее радикальный путь в сравнении со своими литераторами-современниками. Он не захотел присоединиться к старшим участникам Фламандского движения Яну Франсу Виллемсу (1793–1846), Карелу Лодевейку Ледеганку (1805–1847) и Хендрику Консянсу (1812–1883), уже выработавшим общепонятный вариант фламандского языка, на котором к моменту вступления Гезелле в литературную жизнь уже были созданы значительные произведения. Гезелле находил, что этот язык чересчур ориентирован на язык Нидерландов — северного соседа, отошедшего от истинной веры и обратившегося в протестантизм, а пишущие на нем литераторы слишком воспримчивы к модным романтическим тенденциям, замствованным из-за границы. Считая средневековую фламандскую поэзию, проникну-

тую духом католицизма, важнейшим достоянием фламандского народа, он хотел возродить язык, по его выражению, «нашего старого Марланта, отца всех фламандских поэтов». Гезелле мечтал о том, чтобы вновь заставить зазвучать тот музыкальный инструмент, которым пользовались великие средневековые мастера. Поскольку родной ему западнофламандский диалект был наиболее близок к средненидерландскому языку, он разработал на его основе (добавив некоторые средневековые элементы) свой собственный поэтический язык, которым никто не пользовался ни до, ни после него.

Этот язык оказался для Гезелле и благословением, и проклятием. Проклятием — потому что он резко ограничил круг его читателей. Как указывает крупнейший знаток творчества Гезелле П. Куттенир, об этой опасности его с самого начала предупреждал Хендрик Консьянс, однако Гезелле ему не внял. В результате в Нидерландах его стихи читает и ими восхищается фактически только литературная элита, его собратья по перу, которые продираются сквозь языковые сложности, не жалея сил, чтобы оценить потрясающее новаторство поэта. Этот язык оказался для поэта благословением — потому что использование языка, доставшегося народу Фландрии — по глубокому убеждению Гезелле — непосредственно от Господа Бога, служило для него мощным источником вдохновения и основой его неповторимой поэтики, свободной от каких-либо литературных конвенций, полностью экспериментальной, во многом предвосхитившей «*roesie rige*» («чистую поэзию»). Паул ван Остайен, поэт-экспрессионист и теоретик нидерландского модернизма, в своем трактате «*Arts roetisa*» так писал о своеобразии Гезелле: «Гезелле и несколько его учеников обладают той особенностью, что у них между сердцем и стихами нет ни малейшей преграды, они пишут стихи на “языке, который сам, уже готовый, просится с уст” (Гезелле). Эти слова Учителя и Мастера великолепно выявляют главное различие: у голландцев, как мне

Гидо Гезелле.
Фотография 1880 г.

кажется, стихи пишутся не сами собой, в готовом виде, и дело тут не в недочете таланта, но в наличии какого-то а priori во взгляде на мир, которое мешают той целостности, что есть у Гезелле, у фламандского народа».

Гидо Гезелле родился 1 мая 1830 г. в Брюгге. Его жизнерадостный и общительный отец работал садовником: выращивал на продажу саженцы деревьев и цветы. Мать поэта происходила из крестьянской семьи, отличалась большой эмоциональностью, замкнутостью и глубоким благочестием. От отца Гидо унаследовал интерес к природе и знания о мире растений, от матери — любовь к Богу и богатство внутреннего мира.

Окончив среднюю школу в родном Брюгге, будущий поэт переехал в Руселаре, чтобы учиться там в Малой семинарии. По окончании Малой семинарии он поступил в Большую семинарию в Брюгге, вскоре после которой был посвящен в духовный сан. Первым местом его службы стала хорошо знакомая ему Малая семинария, где он с 1854 г. преподавал, кроме всего прочего, языки и естественную историю. Вместе с учениками он совершал прогулки по лесам и лугам, изучая флору окрестностей. Гезелле был не только преподавателем, но и духовником семинаристов, что еще более сблизило учителя с учениками.

Самыми важными для него годами стали 1857-й и 1858-й, когда он был «преподавателем поэзии» и учил семинаристов владеть пером. Однако в 1859 г. его «класс поэзии» прекратил свое существование.

Его вдохновенные уроки словесности, создаваемая им атмосфера религиозно-поэтического романтизма, а в скором времени и собственный пример творчества на фламандском языке оказались настолько важны для его учеников, что некоторые из них стали впоследствии серьезными литераторами. Крупнейшие из них — любимый ученик поэта Евгений ван Ойе (1840–1926) и Хьюго Веррист (1840–1922), преемник Гезелле в деле взращивания фламандского духа в семинарии Руселаре. В целом же деятельность Гезелле в этот период его жизни дала сильный импульс фламандскому культурному возрождению.

Годы работы в Малой семинарии были временем пробуждения Гезелле как серьезного поэта, периодом поэтического восторга, нашего выхода в четырех сборниках. Первые два увидели свет почти одновременно: «Фламандские поэтические упражне-

ния» (“Vlaemsche dichtoefeningen”, 1858) и «Цветы на кладбище» (“Kerkhofblommen”, 1858; написано под впечатлением от похорон одного из семинаристов). Обе книги он посвящает своим ученикам (“beminde en diegbare leerlingen”), ибо пишет стихи главным образом для них: он стремится показать им бесконечные возможности фламандского языка и разнообразие поэтических форм и стилистических приемов, выработанных классической поэтикой. Кроме того, он старается продемонстрировать, что жизнь в неторопливой фламандской провинции дает более чем достаточно поводов, чтобы развивать глобальные темы бытия, используя общеевропейские универсальные мотивы и модели — в первую очередь библейские и (реже) заимствованные у античных авторов. Давая наставления молодежи, Гезелле предостерегает от следования модным романтическим тенденциям, перенятым из-за границы, от поверхностной романтической чувствительности. Он формулирует это как в предисловии к «Фламандским поэтическим упражнениям», так и в личном письме к уже упоминавшемуся Евгению ван Ойе. Поэтическая программа Гезелле подразумевает создание религиозной поэзии, для него литературная работа — это облечение христианской истины в эстетическую форму. Понятия истины и красоты для него совпадают; в письме к Е. ван Ойе он ставит знак равенства между Поэзией и Религией.

Сборник «Фламандские поэтические упражнения» разнообразен по жанровому составу, по тематике и по ритмике, кроме оригинальных стихов Гезелле здесь есть переводы псалмов. Здесь множество виртуозных звукоизобразительных стихов, например, знаменитое “Schrijvetke” («Вертячка»), где ритм как бы повторяет движения снующего по воде водяного паучка, и “O ’t guischen van het tanke riet” («О, шелестенье стройного тростника»), с помощью многочисленных аллитераций передающее шорох прибрежных зарослей. Это стихотворение о тростнике с эпиграфом из «Илиады» Гомера («Вдоль колышущегося тростника») было особенно новаторским в контексте фламандской литературы того времени. Оно начинается с размышления о присутствии Бога в каждом явлении природы (о чем и шепчет сам тростник), но в последней строфе поэт обращается к собственной душе, и он ощущает свое собственное родство с шуршащими стеблями. У русских читателей это стихотворение часто вызывает ассоциации со сти-

хами о камыше у Тютчева и у Бальмонта (см. задания в конце главы). Сборник был напечатан в местной типографии в Русселаре, но при поддержке брюссельского издательства «Гумаре», которое содействовало распространению книги в других католических учебных заведениях.

Второй сборник «Цветы на кладбище» также стал впоследствии доступен многим читателям, так как после 1860 г. Гезелле неоднократно переиздавал его, дополняя все новыми и новыми стихами на тему смерти. Особенно знаменито одно из них, написанное поэтом после посещения могилы друга на кладбище близ Русселаре 1 ноября 1856 г. Именно оно произвело огромное впечатление на австрийского поэта Райнера Марию Рильке (1875–1926), услышавшего его от своего фламандского друга Антона Книппенберга в 1915 г. Грандиозный образ размыкающейся и смыкающейся воды и вздымающейся земли настолько поразил Рильке, что он тотчас принялся переводить строки Гезелле на немецкий. Приведем фрагменты из этого стихотворения:

Ik wandelde, ik wandelde alleen,
 ik wandelde en sprak tot den Heer:
 hij sprak en ik hoorde, en hij hoorde en ik sprak,
 en 'k wandelde en 'k sprak tot den Heer.
 <...>

Hier legde ik een vriend in een graf,
 het water gaat op en gaat neer,
 en JEZUS, die waakt in zijn heilige tent,
 waakt neffens hem, neffens het graf.
 <...>

Het water gaat open en toe,
 het water gaat op en gaat neer,
 het water, als 't kind ere en steentjen in smijt,
 het water gaat op en gaat neer.

Het water gaat op en gaat neer,
 het water gaat open en toe,
 en haast is het water weer heel en gansch stil:
 waar viel en waar ligt nu de steen?

En de aarde gaat open en toe,
 ook de aarde gaat op en gaat neer,
 wanneer er de putmakers geldwinnende hand
 een kist in legt, open... en... toe!

Я шел, я шел один,
я шел и говорил с Господом:
Он говорил и слышал, и Он слышал и я говорил
и я шел и я говорил с Господом.

Здесь я похоронил друга в могиле,
я похоронил — и он спит в могиле:
и Иисус бодрствует в Своем святом шатре
бодрствует рядом с ним, близ могилы.

Вода размывается и смыкается
вода вздымается и опускается
вода, когда дитя бросает в нее камень
вода вздымается и опускается.
вода вздымается и опускается
Вода размывается и смыкается,
и вскоре вода опять совершенно покойна:
куда упал и где лежит теперь камень?
и земля размывается и смыкается,
земля тоже вздымается и опускается,
когда рука могильщика ради заработка
в нее опускает гроб, размывается... и... смыкается!

Из стихов, написанных в Руселаре, Гезелле составил также сборники «XXXIII маленьких стихотворения» (“XXXIII kleenge-dichtjes”, 1860, позднее переизданные с дополнениями) и «Стихи, песни и молитвы» (“Gedichten, gezangen en gebeden”, 1862).

«Маленькие стихотворения» — это особый, придуманный самим Гезелле стихотворный жанр, на мысль о котором его навели, как указывает Пит Куттенир, переводы арабской поэзии. В каждом «Маленьком стихотворении» обыгрывается какой-то минимальный «роэзиекп» («поэтическое ядро»), часто с использованием звукообразительных приемов народной поэзии (припевы вроде “Timre, tompre, tetelink”). Большинство «маленьких стихотворений» представляют собой хвалу малым частицам Творения Божьего (пчела на цветке, сверкнувшая капля росы) и являются аналогом принятых в католицизме коротких импровизированных молитв в трудную минуту. В этих стихах проявился удивительный дар Гезелле создавать краткие словесные зарисовки, набросанные несколькими штрихами.

В сборник «Стихи, песни и молитвы» в качестве вступления включено «Одобрение» (“Goedkeuring”) епископа Ж.-Б. Малу,

рекомендующего читать стихи Гезелле, так как они способствуют тому, чтобы «не просто фламандская, а исполненная Добродетели Христианско-фламандская литература пользовалась уважением и любовью». Стихи сборника содержат хвалы Природе как Творению Господа, христианское осмысление человеческого бытия; здесь есть также и произведения, непосредственно связанные с духовным наставничеством автора, в частности, посвященные таинству причастия.

Впрочем, целый ряд стихов, написанных в период работы в семинарии Руселаре, еще долгое время оставались неопубликованными. Среди них — «Упал однажды на воду листок» (“’t Eg viel ’ne keer een bladje op het water»), «Твой уста и сердце» (“’Uw heert en mond”) и «Тот вечер и та роза» (“’Dien avond en die rooze”), связанные с особо трепетным отношением Гезелле к некоторым ученикам, в первую очередь к Евгению ван Ойе.

В 1860 г. поэт вынужден покинуть Руселаре из-за недовольства коллег и начальства его слишком свободной манерой преподавания (в частности, пренебрежением к расписанию уроков). Он перебирается в Брюгге, где вместе с приятелем-англичином основывает школу для детей англичан, с давних пор живших небольшим анклавом в этом фламандском городе. Гезелле хорошо знал английский язык, в 1860–1865 гг. несколько раз ездил в Великобританию и мечтал работать католическим миссионером в этой протестантской стране. Но школа просуществовала менее года, после чего поэт становится преподавателем философии и проректором в Англо-бельгийской семинарии (1861–1865). Впрочем, и здесь не все пошло гладко, так что Гезелле вскоре снова был вынужден отойти от преподавания. В 1865 г. он занимает место капеллана в церкви Св. Вальпургии в Брюгге. В этот период Гезелле не пишет стихов, зато увлекается изучением фламандского фольклора, историческими и языковыми исследованиями, популяризацией научных знаний, участвует в политических спорах, занимая при этом антилиберальные, консервативные позиции. Он даже издает собственные журналы, в том числе иллюстрированный еженедельник «У очага» (“Rond den heerd”, 1865–1871). Однако и этот период заканчивается для поэта неприятностями, связанными как с его политическими выступлениями, так и с финансовой стороной жизни. Дважды, в 1869 и 1871 гг., поэт оказывается на грани полного душевного срыва. В итоге в 1871 г. Гезелле пере-

водится на службу в маленький провинциальный городок Кортрейк, также в должности капеллана.

Здесь он вскоре исцелился от депрессии, возобновил свою журналистскую деятельность и с новой энергией продолжил фольклорные и языковедческие изыскания. Так, с 1881 по 1895 г. он издавал журнал “Loquela” (лат. «Речь»), целиком посвященный вопросам языка, и еще два других журнала. Гезелле составляет сборник слов фламандского языка, еще не зафиксированных в словарях. Некоторые из записанных им народных слов он использовал в собственном творчестве, которое переживало в этот «кортрейкский период» новый расцвет, начавшийся приблизительно в конце 1870-х и продлившийся вплоть до смерти поэта в 1899 г. За последние десять лет жизни он написал без малого половину того, что вошло в его восьмитомное собрание стихов (Verzameld dichtwerk, 1980–1991). О его феноменальной продуктивности в эти годы рассказывал его брат: «Гидо становится невыносим, какую мелочь ни увидит, тотчас говорит: я об этом напишу».

Своеобразным прологом к этому периоду, как указывает П. Куттенир, можно считать стихотворение 1877 г. «О, дух поэзии» (“O Dichtergeest”), в котором Гезелле говорит о поэтическом вдохновении как активной силе, имеющей божественное происхождение и несущей поэту исцеление от ран и освобождение от оков. С точки зрения оттачивания стихотворной техники существование знания для Гезелле имела работа над переводом знаменитой поэмы Лонгфелло «Песня о Гайавате», которым он занимался с перерывами с 1879 по 1886 г. «Гезелле создает здесь собственный ритм и собственный, местами несколько фантастический, пуристический язык, служащий ему все более и более утонченным инструментом для выражения впечатлений, чувств, мечтаний. В результате этой упорной и фанатичной филологической работы сформировалась его собственная поэтика, позволяющая ему передавать тончайшие нюансы своих наблюдений и переживаний» (П. Куттенир).

За изданной в 1886 г. «Песней о Гайавате»¹ последовали его собственные новые сборники «Венок времени» (“Tijdgaps”, 1893) и «Вереница рифм» (“Rijmspoer”, 1897); посмертно опубликован еще один сборник — «Последние стихи» (“Laatste verzen”, 1901).

¹ Русский перевод этой поэмы, выполненный И. Буниным, выйдет ровно через 10 лет, в 1896 г.

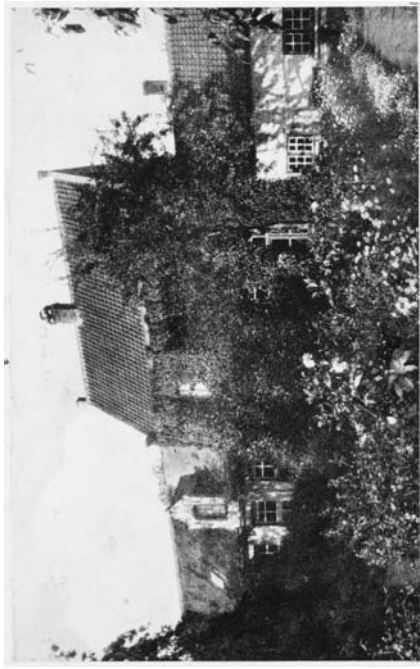
В «Венок времени» Гезелле наряду с лирикой включил также множество «стихов на случай», которые писал в этот период в большом количестве. В таких стихах, приуроченных к тем или иным событиям, церемониям и т. п., Гезелле старается выразить не собственные радость и горечь, а чувства других людей или целого сообщества, основываясь на общепринятых понятиях и используя самые традиционные образы и приемы. За эти стихи его осуждали уже многие его современники, они закрепили за ним славу реакционера, защитника отживших общественных и религиозных устоев. Стихи на случай являют разительный контраст со смелостью и новаторством его лирики.

Эти собственно лирические стихи посвящены двум главным темам, звучавшим уже в его ранней поэзии, но теперь разработаемым с еще большим смирением (в плане содержания) и виртуозностью (в плане формы): темам природы и собственного внутреннего мира глубоко религиозного человека. Как подчеркивает К. Верхейл, обе темы тесно связаны друг с другом: неправильно представлять себе, будто рядом со священником-поэтом с его христианской тематикой существовал Гезелле-лирик, воспевавший природу. Гезелле был и остается только один: единство его внутренних и внешних переживаний порождает ощущение, что он сам — одно из множества созданий Господа Бога, служению которому он себя посвятил. Его глубокая набожность присутствует в стихах часто лишь в скрытом виде — как символическое восприятие всех ощущений, полученных через органы чувств, настолько интуитивное, что даже нет потребности в словесных формулировках. Повседневный мир, окружающий «я» в поздней поэзии Гезелле, исполнен сакрального смысла, лишь изредка высказываемого словами. Создания Божьи, о которых он охотнее всего пишет, — это ничем не примечательные животные и растения, показавшиеся бы любому среднему поэту той эпохи лишь ком прозаичными: трава, коровы, воробы, шмели.

В 1899-м ему предложили место священника (rector) в женском монастыре The English Convent в его родном Брюгге, где учились английские аристократки из католических семей. Он занял эту вакансию в апреле 1899 г., летом в последний раз посетил Англию, но уже в ноябре умер.

В 1930 г. в Брюгге поэту был установлен памятник, а в доме, где он родился, создан музей. При Антверпенском университете

с 1961 г. существует Общество Гидо Гезелле, ставящее своей целью изучение и популяризацию творчества великого фламандского поэта. Дважды в год Общество выпускает журнал «Гезеллиана: Хроника исследований творчества Гезелле».

Дом в Брюгге, где родился Гезелле

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (I):

1. Зачем Гезелле разработал свой собственный поэтический язык?
2. За что крупнейший фламандский поэт-экспрессионист XX века Паул ван Остайен называл Гезелле «Учителем и Мастером»?
3. Каковы были политические убеждения Гезелле?
4. Почему для него было важно изучать фольклор?
5. На какие две группы можно разделить стихи Гезелле, особенно в Коррейкский период?

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

О! 'T RUISCHEN VAN HET RANKE RIET!

Пара, роданон довакюа
Ном. II. XVIII, 576.

O! 't ruischen van het ranke riet!
O wist ik toch uw droevig lied!
Wanneer de wind voorby u voert
En buigend uw halmen roert,

О, ШЕЛЕСТЕНЬЕ ТРОСТНИКА

К камышу густому.
Гомер «Илиада». XVIII, 576

О, шелестенье тростника!
Как песня мне твоя близка!
Когда ветров летучих гнет
Легко твои победы гнет,

ты клонишься и вновь встаешь —
и песню грустную поешь,
которая мне так близка, —
о, звонкий шорох тростника!

O, шелестенье тростника!
Сидел я часто у мостка
на тихом берегу речном,
один, никто не знал о том,
и рябь следил я, одиноко,
там, где дрожал твой стебелек,
и слушал, как звенит тоска
в печальной песне тростника!

O, шелестенье тростника!
Та нота многим далека:
и слышат — да бездумно прочь
спешат, не в силах перевозмочь
тщеты земной... <...>

И, стройный шелест тростника,
не презирает языка
твоих речей, душа моя:
ведь из Того же Бытия
дан слух ей, чтоб слышать твой
напев, что и напев живой
твой, стройный шелест тростника, —
она во всем тебе близка.

O, шелестенье тростника!
Пускай с тобой моя тоска,
сливаясь, жалобой течет
к Тому, Кто всем нам жизнь дает!
Того, Кто стебля внемлет речь,
молю моей не пренебечь
мольбой: как та, она горька.
Я сам — лишь трепет тростника!

Gy buigt, ootmoedig nyugend, neêr,
Staet op en buigt ootmoedig weêr,
En zingt al buigen 't droevig lied
Dat ik beminne, o ranke riet!

O! 't ruischen van het ranke riet!
Hoe dikwyls dikwyls zat ik niet
Naby den stillen waterboord
Alleen en van geen mensch gestoord,
En lonkte 't rimplend water na
En sloeg uw zwakke stafes ga,
En luisterde op het lieve lied,
Dat gy my zongt, o ruischend riet!

O! 't ruischen van het ranke riet!
Hoe menig mensch aenschouwt u niet
En hoort uw zingend harmony,
Doch luistert niet en gaet voorby!
<...>

O neen toch, ranke ruischend riet,
Myn ziel misacht uw tale niet;
Myn ziel die van den zelve God
't gevoel ontving op Zyn gebod,
't Gevoel dat uw geruisch verstaet
Wanneer gy op en neder gaet,
O neen, o neen toch, ranke riet,
Myn ziel misacht uw tale niet!

O! 't ruischen van het ranke riet
Weêrgalleme in myn droevig lied,
En klagend kome 't voor uw voet,
Gy, die ons beide leven doet!
O gy, die zelf de kranke tael
Bemint van eenen rietenstael,
Verwerp toch ook myn klagte niet,
Ik! arme, kranke, klagend riet!

(1857)

HET SCHRIJVERKE (Gyrlinus Natans)

O krinklende winklende waterding,
met 't zwarte kabotseken aan,

ВЕРТЯЧКА (Gyrlinus Natans)

О, шустрый и верткий волшебный
жучок,
Ты — словно бы в черной чалме

wat zien ik toch geren uw korpke flink
 al schrijven op 't waterke gaan!
 Gij leeft en gij toert en gij loopt zoo snel,
 al zie 'k u noch arrem noch been;
 gij wendt en gij weet uwen weg zoo wel,
 al zie 'k u geen oogge, geen één.
 <...>
 o Schrijverkes, schrijverkes, zegt mij dan, —
 met twintigen zijt gij en meer,
 en is er geen een die 't mij zeggen kan: —
 Wat schrijft en wat schrijft gij zoo zeer?
 Gij schrijft, en 't en staat in het water niet,
 gij schrijft, en 't is uit en 't is weg;
 geen Christen en weet er wat dat bediedt:
 och, schrijverke, zeg het mij, zeg!
 <...>
 En 't krinklende winklende waterding,
 met 't zwarte kapoteken aan,
 het stelde en het rechte zijne oortkes flink,
 en 't bleef daar een stondeke staan:
 'Wij schrijven.' zoo sprak het, 'al krinklen af
 het gene onze Meester, weleer,
 ons makend en leerend, te schrijven gaf,
 één lesse, niet min nochte meer;
 wij schrijven, en kunt gij die lesse toch
 niet lezen, en zijt gij zoo bot?
 Wij schrijven, herschrijven en schrijven nog,
 den heiligen Name van God!
 (1857?)

и — любо глядеть мне —
 бежишь научек
 по глади, себе на уме.
 И что-то там пишешь, в движении
 скор,
 хоть ног я не вижу; и гладь
 знакома тебе, точно ловит твой взор
 ее, пусть мне глаз не видать.
 <...>
 О, вы, писаришки-вертячки, — сейчас
 вас кружится целая вязь, —
 неужто никто мне не скажет из вас,
 что пишете вы, не ленясь?
 Вы пишете-вяжете сотни годин,
 столетий незримую сеть,
 но смысла не видит в ней
 христианин, —
 эй ты, писаришка, ответь? —
 <...>
 И шустрый и верткий волшебный
 жучок,
 как будто он наши постиг
 вопросы, ответил — так прост
 и легок,
 над гладью застывши на миг:
 «Мы пишем с тех пор, как устроился
 мир,
 от века всё время одно —
 то, что поручил, научая, Мессир
 писать, нас создавший давно, —
 мы пишем, а вам до сих пор
 невдомек,
 еще не раскрывшим сердца, —
 мы пишем извечно все тот же урок —
 бессмертное имя Творца!»

DIEN AVOND EN DIE ROOZE

Aan den voorgaande

'k Heb menig menig uur bij u
 gesleten en genoten,

Eму же

Часами долгими с тобой
 сидел я тихо рядом,

TOT VECER И ТА РОЗА

en nooit en heeft een uur met u
 me een enklen stond verdrotten.
 'k Heb menig menig blom voor u
 gelezen en geschonken,
 en, lijk een bie, met u, met u,
 er honing uit gedronken;
 maar nooit een uur zoo lief met u,
 zoo lang zij duren koste,
 maar nooit een uur zoo droef om u,
 wanneer ik scheiden moste,
 als de uur wanneer ik dicht bij u,
 dien avond, neêgezeten,
 u spreken hoorde en sprak tot u
 wat onze zielen weten.
 Noch nooit een blom zoo schoon, van u
 gezocht, geplukt, gelezen,
 als die dien avond blonk op u,
 en mocht de mijne wezen!
 Ofschoon, zoo wel voor mij als u, —
 wie zal dit kwaad genezen? —
 een uur bij mij, een uur bij u
 niet lang een uur mag wezen;
 ofschoon voor mij, ofschoon voor u,
 zoo lief en uitgelezen,
 die rooze, al was 't een roos van u,
 niet lang een roos mocht wezen,
 toch lang bewaart, dit zeg ik u,
 't en ware ik 't al verloze
 mijn hert drie dierbre beelden: u,
 dien avond — en — die rooze!

(1.1.1.1858)

***

O vrije Vlaamsche poësis
 gij sprankel van de dichtertziel
 die brandend uit den hemel viel;
 gij blad en blom en veldgewas,
 gij orgeltaal, gij wieroorktas,
 gij al dat ik niet zeggen kan,
 men kent u niet in 't eigen land
 der vrije, vlaamsche poësis!
 (1860)

и каждый миг я за тобой
 следил счастливым взглядом.
 Цветы чудесные с тобой
 мы рвали в изобилии,
 как две пчелы из них с тобой
 нектар душистый пили;
 и был мне каждый час с тобой
 любых иных милее,
 а час прощания с тобой —
 всех дольше, всех грустнее.
 Перед разлукой мы с тобой,
 плечо к плечу, молчали.
 Тот вечер полон был тобой,
 но полон и печали.
 И дивный, сорванный тобой
 для этой горькой встречи
 цветок, что ты принес с собой, —
 мог быть моим в тот вечер.
 Пусть дверь закрылась за тобой —
 кто возвратит былое? —
 пусть не увижусь я с тобой,
 созданые дорогое;
 пусть эта роза, что тобой
 осенена, истлела,
 и радость следом за тобой
 навеки отлетела, —
 три образа несу с собой
 сквозь жизненную прозу
 я в сердце: милый облик ТВОЙ,
 ТОТ ВЕЧЕР — и — ТУ РОЗУ!

***

О, стих фламандский, вольный стих,
 ты искоркой горишь во мне,
 сойдя с небес в святом огне,
 ты — травка, ты — цветок полей,
 органа звук, святой елей,
 ты... для чего не знаю слов,
 ведомый в краю огцов —
 ты, стих фламандский, вольный стих!

***

Als de ziele luistert
spreekt het al een taal dat leeft,
't lijkste gefluister
ook een taal en teeken heeft:
blaren van de boomen
kouten metalkaar gezwind,
baren in de stroomen
klappen lude en welgezind,
wind en wee en wolken,
wegelen van Gods heiligen voet,
talen en vertolken
't diep gedoken Woord zoo zoet...
als de ziele luistert!

(1860)

HOORT

Hooft hoe die twee waterleikes,
vluchtig vlietende onder 't gers,
over zand en over keikes
nooit van loopen 'n zijn te wers:
hobbel-dobbel-drets- en drevelend,
krinkele winkele weg, al krevelen,
nu alhier en dan aldaar,
loopen ze... ai 'k en weet nie' waar.
Nauwlijks eerst een duimke diepe,
nieuw geboren onder 't zand,
worden z'haast een zelve striepken
half zoo breed als heel mijn hand:
rimpel-dimpel-donkel-dansend,
uit ende in malkaar gekranseld,
nu alhier en dan aldaar,
loopen ze... ai 'k en weet nie' waar.

(1858-1877)

O DICHTERGEEST

o Dichtergeest, van wat al banden
hebt gij mij, armen knecht, verlost,
en, uit uw' handen,
wat heeft uw' dierste gunst mij
weinig werks gekost!

***

Если сердце слышит,
всё вокруг поет, совет,
нежным знаньем дышит,
речью вдумчивой живет:
листья молодые
шелестением полны,
волны голубые
плещут, шумны и вольны,
дол и высь над нами —
тропы, где Господь прошел,
щепчут нам словами
тайный сладостный Глагол...
если сердце слышит!

ПОГЛЯДИ

Погляди, два ручейка
резво мчатся среди трав,
гальки, камешков, песочка,
от зигзагов не устав,
звонко, ломко напевая,
исчезая и сияя,
здесь — сейчас и тотчас — там...
А куда, не знаю сам.
Мельче палыца у истока,
народившись из песка,
два серебряных потока
шириною в два вершка
закружились вдруг на месте
и слились, и мчатся вместе,
здесь — сейчас и тотчас — там...
А куда, не знаю сам.

O, ДУХ ПОЭЗИИ

O, дух поэзии, не ты ли
меня, раба, спасал из пут —
и дивны были
превоздвигания за мой
ничтожный труд!

Gij Godlijk wezen doet mij leven
waar menig andre sterfen zou,
en ongegeven
is nog de groote gift waatom 'k u
derven wou.

Gij zijt genezing, en de wonden,
de diere, o wondre, toen gij, teer,
die hebt gevonden,
getint en toegetast, zij'n gave en
zonder zeet.

Hoe menig werf, hoe duizend malen
hebt Gij, o Geest, mij dit gezeid:
maar hoe verhalen?
'ik gevoel 't, en zuchte, eilaas, naar uw'
welsprekendheid!

(26 Juli 1877)

**O GULDEN HOOFD
DER BLIJDE ZONNE**

o Gulden hoofd der blijde zonne,
volheerlijke, altijd nieuwe bronne
van levenskracht;
wie heeft u in die blauwe streken
het brandend voetspoor uitgesteken
en voorgedacht?

Gij staat des morgens op, beneden
't bereik van sterflijke oogleden;
en, rijzend, dan
verblijdt gij mensch en dier en boomen;
en 's avonds laat gij los de toomen
van uw gespan.

o Edel' zonne, o machtig wezen,
o zienlijke afgezant van Dezen
die 't al beveelt;
wat ben ik, of wat zijt gij, schoone,
als, in des Heeren schild en kroone,
een wapenbeeld?

Zoo kent men aan des Ridders waren
zijn hofgezin, zijn huis, zijn' knapen,

Ты, сущий, был что кров и пища
мне там, где умер бы другой,
среди пепелища, —
и в мире дара нет, сравнимого
с тобой.

Ты жгучей раны, дух целящий,
касался, облачка нежней, —
о неболящей —
я тотчас забывал, излеченный, о ней.

И ты мне рек тысячекратно,
но я пересказать того
не в силах внятно —
сладкоголосья где сыскать мне
твоего!

**O, ЗЛАТОГЛАВОЕ
СВЕТИЛО**

O, златоглавое светило,
чьим пылом жизненная сила
дана всему,
кому обязано орбитой
своей ты, синевой сокрытой,
чьему уму?

Ты восстаешь из-за предела,
куда земное не глядело;
твой лучи
читит человек, и зверь, и птица, —
пока не канет колесница
твоя в ночи.

O, солнце, о, зеркальный глянец,
ты — зримый огсвет, ты — посланец,
посол Того,
Кто Азм есмь — и повелевает,
Кого прекрасней не бывает;
ты — герб Его?

Как по гербу — всю мощь владыки
и сколь владения велики,

zijn heerlijk slot;
zoo kan men, aan uw' pronksieraden,
o zonne, uw' edelen Ridder raden:
Zijn name is — God!

(29-7-1889)

TERUG

Scheef is de poorte, van
oudheid, geweken;
zaalrugde 't dak van
de schure; overal
stroo op de zweepingen
zit er gesteken;
vodden bevesten het
huis en den stal

Boven die vodden zijn
blommen gesprongen;
onder die vodden zit
volk en gezin:
blommen van vrede, zoo
ouden, zoo jongen,
blommen van buiten en
blommen van bin.

Daar is 't, dat moeder zat;
daar is 't, dat vader
vond die hem arbeid en
herte bracht; daar
knielden wij, kinderen,
handen te gader,
baden wij, kleenen en
grooten, te gaâr.

Daar is de schippe nog,
daar is de tange;
't ovenbuur staat daar, zoo
't vroeger daar stond;
't hondekot staat daar, en... —
't is al zoo lange! —
Noe is de naam van dien
anderen hond?

так всяк бы мог
узнать по блестящим камням
Царя, не емлемого зреньем,
чье имя — Бог!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Годы прошли,
покоились ворота,
крыша сарая
прогнулась седлом,
щели соломою
подбиты с испода,
дерном покрылись
конюшня и дом.

В дерне цветы
поселились живые,
в доме же люди,
подобно цветам,
старые мирно
сидят, молодые, —
так, что цветенье
царит тут и там.

Магушка здесь
хлопотала, а эти
комнаты были —
отцова труда,
там на колених
молились мы, дети —
старшие с младшими
вместе всегда.

Вот и железный
совок с кочергою,
печь изразцовая —
вот она тут,
будка собачья...
Навеки со мною!..
Знать бы, как эту
собаку зовут!

Ach, hoe verheugen mij,
ach, hoe verheffen
de oudere dagen mijn
diepste gemoed!
Is er wel iemand, die 't
ooit kon beseffen
wat gij, oud hof, mij nu
zegt, mij nu doet?

Zalige lieden, al
te arglooze menschen,
weinig begeerdet gij,
groot was uw' hert!
— Kon het maar helpen, met
weenen en wenschen,
weêr ate ik roggenbrood,
naast u, aan 't berd!

(1897)

***

De Leye leidt mijne oogen, lijze
en langzaam loopend, henen,
tot waar zij, tenden uit, en tenden
al dat zichtbaar is,
in 't grauwe van den neveldamp
verdoken en verdwenen,
mij meeleedt, tot in 't verste van
heer' diepe duisternis.

(1896)

Сколь я взволнован
нахлынувшим снова
детством, тобой,
деревенская тишь,
сельская глушь,
вековая обнова, —
господи, что ты
со мною творишь!

Чистые сердцем,
блаженные, с вами,
вечно довольными
крохой одной,
снова б мне есть,
обливая слезами
боли и радости,
хлеб оржаной!

***

Ленивый Лис мой взгляд ведет,
неспешно утекая
туда, где он в конце концов,
ни глазу, ни уму
не зримый, тает в темноте,
в тумане исчезаая, —
меня ведет вослед себе,
в свою немую тьму.

(Переводы И. Михайловой
и А. Пурина)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (II):

1. Внимательно переведите оригиналы стихов по-нидерландски. Найдите слова, которых нет в современном нидерландском языке. Удалось ли вам догадаться, что они значат?
2. Какие стихи можно охарактеризовать как звукоизобразительные? За счет чего создается этот звукоизобразительный эффект?
3. Сопоставьте ваши подстрочные переводы с опубликованными как с точки зрения содержания, так и с точки зрения звучания. В чем состоят различия?

4. Найдите стихотворение Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865) и Бальмонта «Камыши» («Полночной порою в болотной глуши...», 1895). Сравните со стихотворением Гезелле «О, шелестенье тростника». Что в них есть общего и чем они различаются?
5. Энциклопедия дает следующее описание водяного жука-вертячки: «Взрослые жуки плавают по поверхности водоемов (пресных) быстрыми зигзагообразными движениями, держатся обычно группками. Личинки живут в толще воды». Найдите в интернете изображение этого жука. На какой игре слов построено данное стихотворение?
6. Почему стихотворение “Dien avond en die tooze” поэт не включил в сборник 1858 г.?
7. Почему название реки Leue переведено как Лис? Найдите эту реку на карте.
8. Какую роль в жизни Гезелле играла поэзия, если судить по его стихам?
9. Какие инوسказания вы видите в приведенных стихах?

VI

ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ (1880—1916)